

10 марта 1985 года ●

Театр

СЛАВНОЕ ИМЯ ПОЛКОВОДЦА

Мы сидим в гримуборной ЦАТСА с Петром Ильичом Вишняковым. И в ходе беседы я все время именую его Александром Васильевичем — настолько ярко сыграна им роль Суворова в новом спектакле «Осенняя кампания 1799 года» (пьеса А. Ремеза, постановка Ю. Еремина, художник В. Фомин), и настолько актер в ней органичен, что мне никак не удается отделить образ от его создателя. Причем скажу прямо: удача Вишнякова представляется мне особо значительной потому, что драматургический материал разработан автором не так глубоко, как хотелось бы. Большинство образов лишь «заявлено», очерчено, им не хватает глубины, многомерности. Актеры, играющие Багратиона, Милорадовича, великого князя Константина (А. Данилюк, В. Ледогов, Ф. Чеханков) прилагают все усилия, чтобы сыграть индивидуальность, но слишком мало в их руках «строительного материала». Больше повезло в этом плане сыну Суворова Аркадию. С. Федоров увлеченно и живо реализует все возможности роли.

— Надо сказать, я плохо понимаю наших драматур-

гов, — вслух раздумывает П. Вишняков. Ведь Суворов — колоссальная, живая и колоритная фигура. С такой трудной и интересной судьбой. Помните, у Байрона: «Моя острая, весь преданный причудам, то ловкий шут, то демон, то герой, Суворов был необъяснимым чудом...»? Но что же наши советские художники слова? Ведь это их долг перед Отечеством — создать литературный памятник, достойный великого полководца, великого патриота России.

Вот у вас есть претензии к тексту пьесы, — продолжает актер. — Я готов в определенной степени признать их справедливость: не все удалось Ремезу. Но уже одно обращение молодого драматурга к образу Суворова заслуживает самых добрых слов...

И с этим я не могу не согласиться. И надо воздать должное автору еще и за удачный выбор интонационного строя пьесы — возвышенно-взволнованной «драматической оды» (так определен ее жанр), лишенной ненужного бытописательства. И та же возвышенность, трепетная взволнованность, сочетающаяся с масштабностью развернутых на всем сценическом

пространстве мизансцен, оттеняет работу постановщиков.

Центр спектакля, его нерв, не побоюсь сказать, его успех — это Вишняков в роли Суворова. Образ создан впечатляющий, цельный, глубоко человеческий, вместивший в себя все, нередко противоречащие друг другу стороны суворовского характера. Его диалог с Аркадием открывает нам Суворова-отца и интереснейшим образом проецирует на взаимоотношения полководца с великим князем Константином Павловичем, как известно начавшиеся с острого конфликта, когда наследник попытался вмешаться в дела командующего. Не стану судить, погрешил ли Ремез против исторической правды (как и в случае с Милорадовичем, когда в уста этого храброго и умелого генерала, любимца солдат, автор вложил предложение о капитуляции русских войск, оказавшихся в почти безвыходном положении и спасенных лишь гением Суворова да стойкостью солдат и офицеров), но к финалу спектакля они становятся отношениями учителя и ученика — и это «работает» на образ. Самый яркий, психологически, наверное, решающий момент в

спектакле — это, когда фельдмаршал, введя штаб в курс событий, бросается перед генералами на колени, умоляя их приложить все силы, дабы спасти честь России, честь российских знамен.

Князь Багратион, герой Альпийского похода и Бородинского сражения, вспоминал: «Мы, сказать прямо, остолебели и все невольно двинулись поднять старца героя. Но Константин Павлович первым быстро поднял его, обнимал, целовал его плечи и руки, и слезы из глаз его лились... Я был в состоянии восторженном, в таком, что если бы явилась тьма-тьмущая врагов... — я готов бы был с ними сразиться». П. Вишняков так играет этот эпизод, что и зрители оказываются в том же состоянии, перекрывая ответные реплики генералов бурными аплодисментами.

...На столе перед Петром Ильичом — репродукция портрета Суворова.

— Ее еще в пятидесятом году подарил мне сын. И написал: «Папа, желаю тебе сыграть Суворова». Ну вот прошло «все» тридцать пять лет — и мечта сбылась!..

Тридцать пять лет раздумий, поисков — мимо актера

за это время не прошло буквально ни одно слово, написанное, сказанное о Суворове. Весь огромный материал, всю любовь к великому сыну русского народа вложил П. Вишняков в эту роль. В этом-то и ключ к его успеху, к правде созданного им образа.

Еще об одной роли надо сказать. Роли символической. Старый солдат Михайло Огнев, играет его Н. Пастухов. Сцену прощания умирающего на поле брани Огнева с Суворовым Пастухов и Вишняков проводят очень значительно, по-народному мудро. Уходит из жизни солдат, опора побед суворовских, а скоро — и Суворову в последний путь... Нет им жизни одному без другого — Солдату и Полководцу.

Две из шести картин посвящены Наполеону. А Михайлушкин рисует его в традиционном для России темноте: ниспровергателем, жестоким себялюбцем, не гнушающимся ничем для достижения власти. Человеческая параллель: Наполеон, готовый «для дела» простить «шалости» Жозефины с Баррасом, — и трагедия Суворова, до конца дней не простившего бывшей жене измену. Но

это, пожалуй, единственная реализованная параллель. Обе картины все же так и остались «вставными номерами»: расширение рамок места и действия, сопоставление двух фигур, двух полководцев обозначено, но — не больше.

И все же просчеты не могут закрыть главного: спектакль состоялся, он живет, он волнует — и он нужен. Он — ко времени. Напомню мысль, прозвучавшую в одной публикации по поводу планов ЦАТСА на нынешний сезон: в самое трудное для страны время был учрежден орден Суворова, полководца, не проигравшего ни одного сражения. И прав театр, в канун 40-летия Победы обратившийся к нетленному образу великого сына России, творца ее ратной славы. Суворовская наука побеждать сослужила большую службу и в боях за нашу Советскую Родину.

Я прощаюсь с Петром Ильичом Вишняковым, а в ушах все еще звучат эти искренние, поистине высокие суворовские слова:

— Доброе имя должно быть у каждого честного человека. Лично я видел это доброе имя во славе Отечества. Мои успехи имели исключительной целью его благодеяние.

Э. МИХАЙЛОВ.